

«ДЕЙСТВО СТРАСТНО И КРАСИВО...»

*...То напыжится спесиво,
Станет «веером» трести... –
Действо страстно и красиво,
Просто глаз не отвести!*

Из одного стихотворения

Многим, кто знал Олега, казалось странным: срочную отслужил, в «горячей точке» побывал, медаль имеет – а воды боится, старается держаться от неё подальше. И лишь немногие знали тому причину: его отец, возвращаясь домой с приятельской пирушки, упал в лужу и захлебнулся; старший брат утонул во время купания. Поневоле станешь фаталистом, будешь бояться...

Не рыбак и не охотник, Олег весь спектр своего «живого» общения с природой ограничил сбором грибов и заготовкой берёзовых веников для бани. Может, поэтому затея, которую он вознамерился непременно осуществить, ему самому казалась ребячеством и неоправданной авантюрой. Но отступать Олег не собирался.

Накануне он целый день смолил лодку, используя в качестве смолы расплавленный в железном ведре гудрон. Грубой кистью жидкий вар щедро наносился на стыки досок, затекал в имеющиеся щели и трещины и, эластично застывая, делал непроницаемыми для воды борта и днище плоскодонки. Когда «смола» в ведре густела, делалась тягучей, её приходилось подогревать на небольшом костерке, устроенном тут же, возле лодки. Работа спорилась. Раньше заниматься этим не приходилось, но ремесло оказалось не хитрым, не требующим каких-то особых знаний, и результатом Олег остался вполне доволен. «Не за три моря хождение, всего за версту», – ободрил он себя мысленно, закончив работу.

Наутро он благополучно проспал и когда вышел на берег, уже совсем рассвело. «Может, и к лучшему», – подумалось в самооправдание при виде пелены тумана над разливом. Как бы он мыкался в темноте, да ещё в тумане, без чётких ориентиров?

А необузданное тесными берегами вешнее половодье действительно поражало своим размахом. Глядя на этот простор, легко было убедиться, что классическая строка про «разливы рек подобные морям» не высосана из пальца.

Воды за ночь прибыло. С вечера оставленную у самой кромки вешку похитило течение, песчаный бугорок, одиноким островком выглядывающий из воды ещё вчера, оказался затопленным. Мимо проплывали клочья белой с рыжими подпалинами пены. Олег глазами проследил, откуда они берутся: гибкие лозины прибрежных кустов ходили ходуном, упруго сопротивляясь току воды, и вспенивали её. «Ток воды, электрический ток... Место обмолота тоже ток. И всюду проявление энергии, активность, движение. Нет ли связи и с весенним током, или это лишь простое созвучие, случайное совпадение? Стоит подумать... – прервал Олег спонтанно возникшую цепочку рассуждений и, столкнув лодку на воду, вставил вёсла в ключины. – С Богом!»

...Редея, туман постепенно таял. В образовавшиеся просветы уже виднелся противоположный берег, откуда, подобно манящему пению мифических сирен, доносились клочущие голоса обуреваемых любовной страстью косачей.

Сколько раз Олег каждый апрель слышал эти звуки, приносимые из таинственного, кажущегося недостижимым далёка; знал, что это токует тетерева и даже мог в воображении представить как всё «там» происходит. И только нынче неожиданно для себя самого решил, а точнее решился всё разведать, во всём лично удостовериться, разглядеть собственными глазами, вживую. Не одно праздное любопытство двигало его поведением, но и возникшее желание доказать себе, что сможет и управиться с лодкой, и безошибочно найти место, и незамеченным подобраться к осторожным птицам, к самой гуще происходящего. Запоздалый акт самоутверждения? Попытка расстаться с постылой фобией? Может быть. Порой человек и сам не может толком разобраться в мотивах своих поступков...

Мелководье затопленной луговины не позволило добраться до сухого на вёслах, и последние метры пришлось тащить лодку волоком. «Любишь кататься – люби и лодочку возить», – весело заключил Олег, повыше подтягивая тяжёлую плоскодонку, в которую всё же насочилось воды. На крепком берегу он внимательно огляделся, плотно закатал отвороты высоких сапог и, пригинаясь, по-партизански покрался в направлении немолчного тетеревиного ликования: не спугнуть бы!

Звуки тока были уже совсем близко, да что там – рядом! Олег, испытывая сильное, ранее не знакомое чувство, замер и, затаив дыхание, стал пристально всматриваться в просветы кустов, ширмой загораживающих его от арены происходящего. Сердце учащённо колотилось, в висках стучало, и даже ничем не занятые руки слегка дрожали, выдавая волнение. Глаза, уши, мышцы, мозг... – всё на чеку! Вон оно, первобытное состояние страсти, азарта охотника в предвкушении добычи.

Первое, что удалось разглядеть сквозь сито ветвей, – сидящего на берёзе тетерева-токовика. «Чёрный монах» контрастно выделялся на фоне неба. Напрочь забыв о своём прямом предназначении – ревностно охранять священное место свадебного ритуала – сторож, поддавшись всеобщей эйфории, разгорячённо токовал прямо на высоте своего ответственного поста. Непростительные для часового легкомыслие и беспечность.

Чтобы разглядеть остальных «певцов и танцоров», пришлось проползти несколько метров по густому хмызнику и с превеликой осторожностью раздвинуть хитросплетение крайних веток, загораживающих обзор. Концерт не утихал. На провяленном солнцем и ветром пологом косогоре, рыжем от сухой прошлогодней травы, среди частых пней и редких чахлых берёзок важничали друг перед другом раздутые от спеси пернатые женихи в чёрных фраках с длинными фалдами косиц; выступали козырем, отсвечивая белым подхвостьем и кумачом бровей. Растопыбив крылья и веером расправив хвосты, они изо всех сил пыжились казаться «крутыми», пытались устрашающими позами с петушиными наскаками доказать своё превосходство над так же воинственно настроенным соперником. Кое-где доходило до откровенных драк: летели пух, перья, проливалась кровь. Всё сопровождалось невнятным бормотанием, горловым бульканьем, «чуфышканьем», сливающимися в непрерывный гам, разносимый на всю округу. Цирк, опера и балет на одной сцене.

Позже Олег жалел, что не удосужился точно сосчитать всех петухов. Два десятка? Три? Курочек, которые неброским оперением сливались с пожухлой травой, было не разгля-

деть даже на близком расстоянии. Но ради этих незримо присутствующих скромниц и проводился турнир.

Желая поменять позу на более удобную, Олег случайно опёрся рукой на сухую ветку – та предательски хрустнула. Ток, как по щелчку, затих, всякое движение на поляне прекратилось. «Комендант» на берёзе насторожился: опасность! Тетерева на земле замерли с вытянутыми вверх шеями, напряжённо выглядывая из примятой за зиму травы в ожидании команды «атак». В любую секунду они готовы были сорваться и покинуть свою арену, скрыться в более безопасном месте: врождённое чувство самосохранения всё же сильнее инстинкта продолжения рода. Иначе – смерть и всему конец.

Минута тишины, казалось, оглушила Олега. Затаившись в своём укрытии, он с замиранием сердца ожидал, что же будет дальше: жалко, если так вдруг всё пресечётся, кончится, исчезнет из глаз. Хотелось продолжения. «Действие страстно и красиво» – всплыло в памяти когда-то услышанное или где-то прочитанное, он точно не помнил. «Действо... – мысленно повторил Олег. – Точнее и не скажешь. Да и про страсть и красоту всё верно, в яблочко». Смутно, не отдавая себе в этом отчёта, он пожалел, что сам не поэт и не художник и не сможет в полной мере поделиться с другими всем сегодня увиденным и прочувствованным. А так хотелось...

P.S. О «действии страстном и красивом» мне в своё время, как умел, поведал сам очевидец. Я вам его историю пересказал. А вот о злосчастной рыбалке, на которую он отправился, мой приятель рассказать не успел: та лодка, что не раз им смолилась и починялась, в ночное время перевернулась на широком месте глубокого пруда; двое спаслись, а третий... Оказалось, не умел плавать.

Имя героя я поменял. Думаю, он за это не осудил бы.

ДОЛГИЙ КОРОТКИЙ ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Казалось бы, работа лесничего и охота – вещи вполне совместимые, «в лес с ружьем привычная прогулка...» Казалось бы... На самом деле не совсем так. Бумажная канитель отнимает львиную долю рабочего времени: выписка дров населению, заполнение журналов, текущая отчетность, изучение документации... Рутинка! От кабинетного стола, от ненавистой канцелярщины вырвешься в лес – и там хватает забот, от которых не отмахнешься. Так что не до охоты.

Обследуя очередную делянку на лесосеке, с завистью (и отнюдь не белой) слушаешь залиvistые голоса гончих во время азартного гона, подсчитываешь чужие выстрелы, замороженно улавливаешь призывные звуки охотничьего горна вдалеке... Радости жизни, проходящие мимо. Глотая слюны, приходится лишь мечтать и надеяться: когда-нибудь и твои желание и возможность все же совпадут, и тогда... И тогда поход в лес будет принят не по служебной необходимости, вынужденно, а по доброй воле, по собственному желанию, с охотой и удовольствием.

...Охотники – настоящие, кто этим живет и хорошо разбирается в тонкостях, – подразделяют порошу на множество видов. Глухая пороша, слепая, легкая, печатная... Снега мало – пороша мелкая, много – гретая. Белое покрывало, ватное одеяло, пуховая перина для продрогшей земли... У Пришвина на эту тему есть отдельный рассказ с подробным описанием. Для меня же ключевое слово в определении пороши – желанная. Это

которую с особым чаянием ждешь, которой рад, которой благодарен. Словом – именины сердца. И такой праздник настал...

Накануне снег шел почти весь день. В тихую безветренную погоду, медленно падая, он равномерно запорошил старый, уже слежавшийся слой снежного покрова и прекратился лишь к полуночи. Перенова забелила прежнюю многоследицу, лесная летопись (зимопись?) в очередной раз начиналась заново, с чистого листа...

С утра легкий, почти неощутимый морозец, к которому скоро привыкаешь и перестаешь замечать. Широкие охотничьи лыжи плавно скользят, чуть поскрипывают на поворотах, когда переминаешься. А переминаясь приходится часто: по лесной чаще – не по лыжной трассе, то и дело препятствия. Осторожно и неспешно передвигаясь, останавливаешься, внимательно вглядываешься и чутко вслушиваешься, стараясь не пропустить ничего, что могло бы послужить подсказкой к разгадке маленьких секретов и великих тайн жизни, скрытно протекающей под пологом леса. Конечно, все эти загадки уже давным-давно разгаданы, секреты раскрыты и обнародованы, но когда соприкасаешься с этим сам, напрямую, честное слово, чувствуешь себя и первооткрывателем, и первооткрывателем. Даже сердце начинает биться учащенно.

Лисий след не спутать ни с каким: ровная строчка округлых отпечатков, известная всем. Вот она, лапка в лапку вдоль края лесной поляны. А это что за «знак препинания»? Разрыты снег, лесная подстилка из прелых листьев, грунт... Рядом с пороєм ярким контрастом на белом – капли крови. Мышь-полевка поплатилась жизнью за свою нерасторопность, неумение вовремя спрятаться, затихнуть, приспособиться. Наглядная иллюстрация на тему естественного отбора: для кого – трагедия, для кого – очередная порция съестного на завтрак.

Заячий след – малик – в лесу, как правило, оставляет заяц-беляк, тот самый, «почти что незаметный на снегу». Отпечатки его лап и мельче, и поуже в сравнении с отпечатками русака, более крупного собрата, предпочитающего лесу открытые, вольные пространства. В одиночку тропить беляка, преодолевая препоны ветровала и бурелома – затея хлопотная и пустая, вот где пригодился бы надежный помощник гончей породы, но... Сотню раз произнеси «халва», слаще не станет. Идем дальше.

Следов не густо. Практически отсутствуют «автографы» копытных. Лось, кабан, косуля в наших угодьях вовсе не экзотика, как, скажем, благородный олень, но и их повстречать удается далеко не каждому. Почему-то чаще везет браконьерам, которые без сантиментов (красота, редкость, благородство) и зачастую безнаказанно вершат свое гнусное дело. Доступность высокопроходимой техники, нарезного оружия, качественной оптики в сочетании с отсутствием нравственных тормозов позволяет без всякого угрызения совести попирать нормы морали, увы, почти ставшие рудиментом. Может, в этом кроется причина столь редких встреч...

Впереди просвет, край леса. Выхожу на опушку из старых высоких берез. На макушке самой высокой расселись и клюют мерзлые почки тетерева, на охотничьем языке – деревятся. Семь краснобровых чернышей и уступающие им яркостью оперения и тароватостью форм две рябые курочки-тетерки. Можно незаметно подкрасться на расстояние верного выстрела, скрасть зазевавшегося «терентия». Соблазн велик. Снимая с плеча ружье, нечаянно задеваю заснеженную ветку. Как бы отряхнувшись, все деревце вздрагивает, что служит сигналом чуткой стае – тетерева срываются с облюбованной ими березы и улетают, оставляя меня в напряженной позе из «немой сцены». Не судьба...

Побывать в лесу и не покостить – лишить себя одного из походных удовольствий. На расчищенном от снега пятачке укладываю тонкие сухие еловые веточки, поджигаю. В потрескивающий огонь поочередно подкладываю веточки потолще, сучья, коряжистую смоляную сушину. Присев на снятые лыжи, с блаженством подставляю ладони кроткому пламени новорожденного костерка.

В конце декабря дни самые короткие, серые, но этот показался мне дольше других и светлей. Посветлело даже на душе, поэтому настроение приподнято и нисколько не испорчено отсутствием трофея, который мог бы наглядно удостоверить и наработанные с годами навыки, и накопленный опыт, да и наличие охотничьего форта. Это говорит лишь о том, что все лучшее еще впереди, а трофей, пусть и своеобразный, все же имеется. Вот он перед вами.

Утро радует
свежей порошей,
И на лыжах скользишь,
как паришь.
Бор в уборе
настолько хороший! –
Умереть, и не нужен Париж...
На берёзах
расселись тетери.
Я сумею, я к ним подберусь,
И уже не волнуют потери,
Что ввергали
в унынье и грусть...
Не скрипите
предательски, лыжи!
Назубок знаю этот урок:
Незаметно подкрасться
поближе,
Взять на мушку,
нажать на курок...
А ничем завершится охота –
Что ж, не стану
жалеть и тужить:
Умирать никому неохота,
А, напротив, пожить бы,
пожить...

Не бог весть какие поэтические строки, но все в них сказанное – от души.

ОПЕРАЦИЯ «ЕНОТКА»

У меня зазвонил телефон. Нет, нет, не слон насчёт шоколада – дело оказалось куда серьёзней.

– С вами говорит администратор зверинца, у нас сбежал енот. Вас посоветовали как специалиста, который сможет его поймать. Приезжайте, пожалуйста! – голос с сильно выраженным южным акцентом выдавал тревогу и взволнованность говорящего.

Я смутился: мне не приходилось ловить енотов. Хотелось отказаться, сослаться на недоразумение, на занятость. Или отшутиться, типа: «Енот? Это не ко мне; лев, тигр, в крайнем случае леопард – да, а енот... Нет, не ко мне». Но в голосе администратора было столько надежды и даже уверенности, что отказать показалось невозможным. Мы договорились встретиться.

...Передвижной зверинец «Чудо-зоопарк» не первый раз приезжает в наш город. Яркая афиша зазывает посетителей подивиться на «экзотических животных со всех уголков планеты». Крокодил, питоны, обезьянки, лемуры, кенгуру, шиншиллы, попугаи вызывают особый восторг у детворы, ведь всю эту живность можно фотографировать, а кое-кого ещё и гладить, и брать на руки. Чудесно! Но вот однажды утром случилось ЧП: одна клетка оказалась пустой – пропал енот. Енот-полоскун.

Эти пушистые млекопитающие размером с сытую кошку – коренные обитатели Северной Америки. На территории нашей страны енот-полоскун акклиматизирован и успешно освоил подходящие по условиям регионы Северного Кавказа. Зверёк всеяден: обычный рацион составляют мелкие млекопитающие, птицы и их яйца, лягушки, насекомые, пауки, черви, речные раки, фрукты, ягоды, орехи, и... пищевые отбросы. Для такого рациона приспособлены и зубы, и лапы, и повадка. Чёрная маска вокруг глаз, идущая поперёк хитрой узкой мордочки, придаёт еноту видимость вороватого пройдохи, что зачастую бывает оправдано и его поведением: енот вредлив. Длинные, тонкие, чрезвычайно развитые пальцы передних лап позволяют зверьку ловко захватывать и удерживать предметы, мыть пищу (отсюда полоскун), с лёгкостью открывать крышки мусорных баков, отпирать щелкоды, отодвигать засовы, снимать крючки. Выяснилось: именно этими навыками воспользовался беглец, покидая опостылевшее узилище – клетку.

– Представляете, этот проныра сам открыл дверку и удрал. Мы уже определили, где он скрывается, – в подвале вдоль подземных коммуникаций есть длинный узкий лаз. Но достать его... Нужна норная собака! Срочно! – заламывая руки, делился своим планом администратор.

Мы спустились в подвал арендованного помещения. На рассыпанном специально возле подземного лаза мелко просеянном речном песке отчётливо просматривались следы беглеца, так похожие на отпечатки малюсеньких человеческих ладоней. Это несколько упрощало задачу...

Идея применить собаку отпала сама собой: в качестве трофея мог достаться лишь труп растерзанного животного: ягдтерьеры – профессионалы своего дела. Не годился и заранее купленный предусмотрительным администратором рамочный капкан с двумя мощными боковыми пружинами – он мог сильно травмировать ещё не окрепшего енота, возраст которого, как оказалось, не превышал полугода.

Вспомнилось: года три назад в курятник повадился хорь и доставил много хлопот. Пришлось изготовить специальную западню для поимки маленького алчного хищника, и

тогда план сработал: кровожадный хорёк был пойман. Не повторить ли операцию? За-манчиво...

Живоловушка была доставлена на место. Правда, она изрядно одряхла, столько времени без дела прозябая в гуде разного хлама: металлическая сетка, обтягивающая проволочный каркас, сильно поржавела и помялась, завеса на дверке расшаталась, пружина ослабла... Такой непрезентабельный вид самодельного приспособления не внушил отчаявшемуся администратору никакого доверия, разочарование отразилось на его лице. Он даже ещё раз взял в руки капкан и попробовал его зарядить, всё ещё лелея надежду на возможность благополучного исхода дела с его помощью. Неожиданно сработавшие взведенные пружины с такой силой и яростью сомкнули стальные челюсти, что «зверолову» стало не по себе. Оставалось единственное средство, способное увенчать успехом всю операцию, – ржавая западня.

Наснуженная аппетитным куском свежего мяса, закупленного в качестве привады, настороженная ловушка заняла выгодное место на «охотничьей тропе» – у выхода из злополучного лаза, откуда по ночам, когда никого нет, совершал свои вылазки проголодавшийся отшельник. Оставалось терпеливо ждать...

К сожалению, неотложные дела не позволяли мне дольше участвовать в охоте: после дачи кратких наставлений пришлось откланяться...

В тот же день поздно вечером телефон зазвонил опять. Голос со знакомым акцентом радостно сообщил: «Всё в порядке! Енотка пойман и водворён на место! Спасибо! В качестве благодарности можете всей семьёй бесплатно посещать наше шоу до конца гастролей».

Оставалось искренне порадоваться счастливому концу – всему делу венцу.

...Когда через два дня мы с внучкой собрались воспользоваться честно заработанным бонусом и пришли посмотреть на Енотку и его друзей, оказалось, что зверинец ещё вчера покинул наш город. Ну, что ж, будем надеяться, что запоры на клетках успели привести в надлежащий порядок, и в следующем году мы обязательно увидимся. До свидания, Енотка!